князь С. С. Урусовъ, очень храбрый офицеръ, большой чудакъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ лучшихъ европейскихъ шахматныхъ игроковъ того времени. Онъ сказалъ, что имѣетъ дѣло до генерала. Адъютантъ повелъ его въ кабинетъ генерала. Черезъ десять минутъ Урусовъ прошелъ мимо насъ съ недовольнымъ лицомъ. Провожавшій его адъютантъ вернулся къ намъ и, смѣясь, разсказалъ, по какому дѣлу Урусовъ приходилъ къ Сакену. Онъ приходилъ къ Сакену затѣмъ, чтобы предложить вызовъ англичанамъ сыграть партію въ шахматы, на передовую траншею передъ 5-мъ бастіономъ, нѣсколько разъ переходившую изъ рукъ въ руки и стоившую уже нѣсколько сотъ жизней".

Сильная личность Урусова не могла, конечно, принимать цѣликомъ вліянія Толстого. Между ними происходили разногласія, которыя временами переходили въ размолвки. Урусовъ, какъ предполагаетъ А. Е. Грузинскій, даже уничтожилъ часть писемъ Толстого, такъ какъ въ перепискѣ наблюдается большой перерывъ,—съ 1879 до 1889 года. Но затѣмъ сношенія возобновились, и въ 1889 году Л. Н. ѣздилъ къ Урусову въ имѣніе, провелъ съ нимъ около трехъ недѣль и въ письмахъ къ женѣ описывалъ жизнь Урусова.

„Урусовъ жилъ одиноко со старымъ слугой, вставалъ въ 3, въ 4 часа утра, ставилъ самъ самоваръ, пилъ чай и садился на весь день за свои вычисленія, перерываемыя отдыхомъ, пасьянсомъ, прогулкой. Онъ произвелъ на Л. Н. трогательное впечатлѣніе. „Живетъ, никакихъ раздоровъ ни съ кѣмъ кругомъ себя, помогаетъ многимъ и молится Богу. Напримѣръ, передъ обѣдомъ онъ ходилъ взадъ и впередъ гулять по тропинкѣ передъ домомъ. Я подошелъ-было къ нему, но видѣлъ, что я ему мѣшаю, и онъ признался мнѣ, что онъ, гуляя, читаетъ часы и псалмы".

Переписка, опубликованная въ «Вѣстникѣ Европы», относится преимущественно къ годамъ, предшествующимъ размолвкѣ, хотя есть письма и послѣдующаго времени. Изъ писемъ Толстого наибольшій интересъ представляютъ тѣ, въ которыхъ выражаются чувства, вызванныя его религіозными сомнѣніями. Повидимому, былъ моментъ, когда, независимо отъ себя, Урусовъ умиротворялъ душевную бурю Толстого.

„О религіозныхъ сомнѣніяхъ, — писалъ Толстой въ 1876 году, — не буду теперь писать вамъ, въ особенности потому, что они теперь не такъ сильны, какъ обыкновенно, и что этому много содѣйствовало и ваше пребываніе у насъ и въ особенности ваше письмо: то, что вы не хотите опровергать и доказывать. Вы не и вѣрите, какъ это сильно на насъ дѣйствуетъ. Вы счастливые люди, вѣрующіе, обладаете душевной высотой, спокойствіемъ, огромной силой ума, и вы говорите, что имѣете это благо, но передать его не можете, но только желаете его намъ. Я не вѣрю въ молитву и не могу молиться, но если правда то, чему вы вѣрите, то вы можете молиться, и ваша молитва можетъ быть услышана; и потому помолитесь о томъ, чтобы Богъ далъ мнѣ опору вѣры".

Мимоходомъ.

V.

Недѣля о подаркахъ.

— Какіе теперь бои! Теперь недѣля о подаркахъ!—говорилъ намъ, шутя, бородатый полковникъ М. на станціи ***, когда мы разспрашивали его о послѣднихъ боевыхъ столкновеніяхъ.

Полковникъ, конечно, преувеличивалъ: бои далеко не прекратились. Но громадное большинство «подарковъ солдатамъ», дѣйствительно, было направлено въ армію ко дню нашего Рождества (по старому стилю), такъ что они прибывали, одни за другими, сплошь цѣлую недѣлю. Въ ***, напримѣръ, я пріѣхалъ вмѣстѣ съ представителями петроградской еврейской общины, приславшей сюда два вагона подарковъ (изъ общаго числа пяти вагоновъ, собранныхъ ею). Наканунѣ уже пришли въ ***, тоже изъ Петрограда, два вагона съ подарками отъ другой организаціи. Вслѣдъ за нами ждали два вагона, которые сопровождала г-жа Сухомлинова, супруга министра. А спустя нѣсколько дней, сюда же должны были прибыть еще два вагона изъ «дара Москвы»... На маленькой станціи это давало впечатлѣніе непрерывнаго потока подарковъ. День за днемъ приходилось принимать, распредѣлять, распаковывать, раздавать...

Сначала кажется, что даже два вагона—огромное количество вещей. Пересматривая списки, въ которыхъ значатся сотни и тысячи фуфаекъ, теплыхъ кальсонъ, носковъ, жилетовъ, башлыковъ, рукавицъ и т. п., десятки и сотни пудовъ чая, сахара, сгущеннаго кофе со сливками, шоколада, карамели и т. п., милліоны папиросъ, кисетовъ съ табакомъ, пачекъ махорки и т. д., и присутствуя при выгрузкѣ изъ вагона безсчетнаго числа ящиковъ всякихъ формъ и величинъ, думаешь, что этимъ можно одѣлить цѣлую армію. Весьма скоро однако на опытѣ увѣряешься, что всего этого—вовсе не такъ много, или, вѣрнѣе, узнаешь, что потребность въ арміи въ разныхъ вещахъ такъ велика, что никакая щедрость не будетъ для нея черезмѣрной.

Разумѣется, всѣмъ *необходимымъ* наша армія обезпечена: Россія—не Турція. Но за предѣлами «необходимаго» есть много такого, безъ чего обходиться человѣку если не «трудно», то «грустно». Въ объявленіяхъ и призывахъ къ пожертвованіямъ Краснаго Креста, всероссійскаго союза городовъ, московскаго городскаго управленія и другихъ было достаточно убѣдительно разсказано, какъ во многомъ еще нуждаются наши солдаты. Тамъ необходима обувь, тамъ—теплое бѣлье, тамъ—консервы, соль, чай, сахаръ; вездѣ—табакъ; всѣмъ—какія бы то ни было лакомства, скрашивающія однообразный казенный паекъ. Наконецъ, вездѣ и всѣмъ нуженъ самый фактъ подарка, какъ знакъ, что Россія помнитъ о своей арміи, а не повернулась къ ней спиной, пославъ солдатъ биться съ врагомъ, а сама занявшись своими обычными дѣлами. «Подарки солдатамъ», рождественскіе и всякіе другіе, безспорно, дѣло нужное и хорошее.

И вотъ, какъ только въ *** мы приступили къ распредѣленію подарковъ, такъ тотчасъ обнаружилось, что два вагона по-истинѣ—«капля въ морѣ». Представители еврейской общины, пріѣхавшіе съ подарками, получили въ штабѣ корпуса указанія, какимъ именно частямъ войскъ подарки должны быть розданы. Несмотря на то офицеры разныхъ полковъ то-и-дѣло обращались ко всѣмъ намъ съ просьбой, похлопотать въ штабѣ, чтобы и на долю ихъ частей что-нибудь досталось. . . . «Нашъ эскадронъ только-что вернулся изъ боя,—говорилъ другой,—всѣ солдаты обносились; пока-то выдадутъ новыя вещи, а надо сейчасъ, сію минуту, кому башлыкъ, кому шапку, кому бѣлье»... «Жалко солдатъ, — просилъ третій,—сколько тысячъ верстъ проѣхали, и—прямо въ бой: хочется порадовать ихъ хоть табакомъ, нельзя ли удѣлить и намъ сколько-нибудь!». Какъ было отказывать на такія просьбы!

Съ нами было *два милліона* папиросъ: количество, казалось бы, громадное. . . . . Между тѣмъ папиросы—единственная доступная и позволительная солдатамъ роскошь въ тяжелой походной и окопной жизни. И курящимъ нужны папиросы не какъ случайное лакомство, а на каждый день, постоянно... Что же составляли наши «два милліона»? Они должны были «дымомъ развѣяться» еще до окончанія праздниковъ!

Позднѣе мнѣ пришлось участвовать въ отправкѣ и раздачѣ подарковъ солдатамъ въ разныхъ другихъ пунктахъ. Вездѣ было то же, что́ и въ ***. Несмотря на то, что «недѣля подарковъ» праздновалась по всему фронту, несмотря на то, что ежедневно прибывали все новые и новые вагоны съ подарками со всѣхъ концовъ Россіи (извѣстно, напр., что одинъ «даръ Москвы» составилъ цѣлый поѣздъ въ 30 вагоновъ),—всюду потребность превышала то, что́ могли дать жертвователи. Всюду представители полковъ обращались съ просьбой не обойти и ихъ части, и было что-то глубоко трогательное въ этой заботѣ офицеровъ о своихъ солдатахъ, въ желаніи помочь имъ и порадовать ихъ подаркомъ, пришедшимъ изъ глубины Россіи.

Раздачѣ подарковъ способствовало боевое затишье, наступившее за послѣдніе дни на всемъ фронтѣ.

Затишье это пришло какъ-то неожиданно. Передъ рождественской ночью по новому стилю на многихъ позиціяхъ, наши солдаты обращались къ офицерамъ съ просьбой—не тревожить въ этотъ день нѣмцевъ, дать имъ мирно встрѣтить праздникъ. «Они хоть намъ и враги, но все-таки праздникъ у нихъ великій», — такъ приблизительно разсуждали солдаты. Этотъ великодушный порывъ былъ жестоко обманутъ. Отодвинувъ утомленныя войска въ тылъ, нѣмцы именно въ свой сочельникъ подвезли на позиціи свѣжія силы и во многихъ пунктахъ предприняли, не считаясь съ праздникомъ, рядъ яростныхъ атакъ. Можетъ-быть, нѣмцы разсчитывали захватить насъ врасплохъ. Какъ извѣстно, этого не случилось, и всѣ атаки были отбиты раздраженными и озлобившимися солдатами...

Можно было ожидать, что подъ наше Рождество повторится то же самое. Но нѣмцы за двѣ недѣли перемѣнили свою тактику. Они временно какъ бы отказались отъ наступленія, и всѣ силы устремили на укрѣпленіе своихъ позицій.

Вотъ уже четырнадцать дней, какъ нѣмцы почти только и дѣлаютъ, что исправляютъ свои старые окопы, оставшіеся отъ перваго похода на Варшаву, роютъ новые, возводятъ форты, протягиваютъ сѣти колючей проволоки. Если такая работа будетъ продолжаться, нѣмцы отгородятся въ Польшѣ такой же заставой, какой они прикрыли себя во Франціи, «зароются въ землю», какъ кроты. Уже теперь почти протянулась живая цѣпь людей отъ Балтійскаго моря до Карпатъ, и военныя дѣйствія на нашемъ фронтѣ грозятъ принять ту новую форму, которую окрестили именемъ «позиціонной войны»...

Какъ бы то ни было, эта новая тактика нѣмцевъ повела къ тому, что праздники прошли сравнительно спокойно. Въ двухъ—трехъ пунктахъ предпринимались, правда, атаки и въ сочельникъ, и въ первый день Рождества, но то было исключеніемъ. Въ томъ районѣ, гдѣ пришлось встрѣтить Рождество мнѣ (на станціи ***), господствовало затишье полное. Это и дало поводъ полковнику М. говорить, шутя что никакихъ боевъ нѣтъ, есть только подарки. А одинъ солдатъ, ветеранъ японской войны, смущенный бездѣйствіемъ нѣмцевъ, серьезно увѣрялъ меня, что это «не-спроста». . . . . Наша развѣдка къ тому же обнаружила и замѣтное ослабленіе силъ противника въ этомъ районѣ...

Благодаря этому боевому затишью раздача рождественскихъ подарковъ обратилась вездѣ въ настоящій «праздникъ». Солдаты успѣли нѣсколько отдохнуть отъ безпрерывныхъ боевъ, могли хорошенько помыться, пріодѣлись по-праздничному. Всей нашей арміей овладѣло не то, что доброе расположеніе духа, но прямо какое-то дѣтски-праздничное настроеніе, и подарки принимались солдатами тоже съ чисто-дѣтской радостью. Такъ, гдѣ удавалось лично присутствовать при раздачѣ, нельзя было не чувствовать себя тронутымъ, видя, какъ эти испытанные, уже закаленные въ бояхъ уральцы, сибиряки, донцы, дѣти всѣхъ русскихъ губерній, привыкшіе стоять подъ гранатами и идти въ бой подъ дождемъ шрапнели, словно толпа школьниковъ, теснились вокругъ раздающаго, тянули руки, стараясь попасть въ первые ряды. Напрасно офицеры добродушно-суровыми окриками пытались удержать солдатъ, напоминая, что подарковъ хватитъ на всѣхъ: каждому хотѣлось поскорѣе получить свой кисетъ, свою пачку папиросъ, свой мѣшокъ съ бѣльемъ. Выходила тѣснота, давка, люди ругались между собой, но видно было, что всѣмъ весело, мало того,—что всѣ счастливы.

Сотни тысячъ открытокъ, нацарапанныхъ непривычной рукой, скоро разнесутъ солдатскую благодарность по всей Россіи. Но и тѣ, которые не сумѣютъ или не смогутъ выразить своей благодарности письменно или не будутъ знать, кому ее адресовать, навѣрное, такъ же глубоко выскажутъ ее безъ словъ, раскуривая подаренную папиросу или надѣвая свѣжую фуфайку на грудь, можетъ-быть, уже не разъ оцарапанную осколкомъ шрапнели. Надо еще разъ представить себѣ боевую жизнь солдата: дни въ сыромъ, мерзломъ окопѣ, постоянныя перестрѣлки, заставляющія все время до крайности напрягать нервы, ночныя атаки нѣмцевъ, любящихъ прикрывать свои нападенія темнотой и туманомъ, безпокойный сонъ въ теченіе 2—3-хъ часовъ, не болѣе,—надо еще разъ представить себѣ все это, чтобы понять, какую радость могутъ принести рождественскіе подарки. Грозная и вмѣстѣ съ тѣмъ однообразная жизнь на войнѣ развиваетъ въ человѣкѣ полное равнодушіе къ смерти, какъ къ слишкомъ обычному явленію; но эта жизнь дѣлаетъ и особенно чувствительнымъ къ малѣйшей радости, нарушающей монотонность дней, превращаетъ самое маленькое радостное событіе въ какое-то огромное счастье. Право, не всегда дѣти такъ радуются первой елкѣ, какъ радовались иные солдаты, получая свои подарки, принесшіе къ нимъ отъ неизвѣстныхъ, далекихъ друзей.

Жертвователи могутъ быть довольны и сознавать себя удовлетворенными. Они достигли именно того, къ чему стремились: внесли «лучъ свѣта» если не въ «темное царство», то въ сумрачную, суровую обстановку боевой жизни солдата. Пусть знаютъ жертвователи, что *все* ими присланное пошло на пользу и принесло свою долю радости. Солдатъ почувствовалъ себя не одинокимъ, не забытымъ, понялъ, что за его трудами, тяготами и лишеніями съ сочувствіемъ слѣдитъ вся Россія. Это, быть-можетъ, —самое важное, и ради одного этого стоитъ и должно посылать «подарки». Будемъ помнить, что велика наша армія, какъ велико и ея дѣло, и постараемся, чтобы *каждому* солдату достался хотя бы одинъ «подарокъ», чтобы не осталось ни одного обдѣленнаго, обойденнаго вниманіемъ. Но, чтобы исполнить этотъ нашъ долгъ, нужно еще много и много «вагоновъ». Будемъ же неустанно отправлять ихъ, посылая нашъ привѣтъ и нашу благодарность тѣмъ, кто защищаетъ и насъ самихъ, и все будущее Россіи.

Валерій Брюсовъ.

29-го декабря, Варшава.

Турки въ Азербейджанѣ.

Въ настоящій моментъ, въ періодъ извѣстнаго затишья, на главныхъ театрахъ военныхъ дѣйствій наиболѣе оживленный характеръ носятъ операціи на кавказской границѣ. До нѣкоторой степени это обстоятельство является неожиданнымъ. Если зима даетъ себя чувствовать въ Польшѣ, Галиціи и даже въ сѣверной Франціи и замедляетъ здѣсь военныя операціи, то съ тѣмъ большимъ основаніемъ можно было разсчитывать на затишье во время зимы на кавказскомъ театрѣ, съ его суровыми горными хребтами, съ ущельями, засыпанными глубокими снѣгами, съ дорогами, трудно проходимыми даже въ болѣе благопріятное время года. Въ прежнія наши войны съ Турціей военныя дѣйствія на время зимы почти пріостанавливались, а вѣдь тогда войска не были такъ чувствительны къ состоянію путей сообщенія, какъ современныя громоздкія арміи съ ихъ громадными обозами. И тѣмъ не менѣе настоящая зима не принесла затишья для Кавказа. Наоборотъ, именно зимой, въ декабрѣ, здѣсь и разгорѣлись боевыя дѣйствія съ наибольшей интенсивностью.

Кажущееся противорѣчіе разрѣшается впрочемъ довольно просто. Всѣ высказывавшіяся раньше предположенія и оцѣнка географическихъ особенностей кавказскаго театра войны дѣлались примѣнительно къ методическому веденію войны. Серьезное наступленіе, согласованное съ основными требованіями стратегіи, разсчитанное не на мимолетные успѣхи, а на возможность ихъ закрѣпленія и развитія и требующее поэтому хорошо оборудованнаго тыла,—все это зимой на Кавказѣ почти невозможно. Но турки въ настоящій моментъ и не ведутъ на нашей границѣ методической войны. Ихъ попытки наступленія представляютъ въ сущности не настоящее наступленіе, а какъ бы набѣги,—правда, набѣги, производимые въ крупномъ масштабѣ, но все-таки только набѣги. Они идутъ впередъ налегкѣ, безъ обозовъ, безъ правильно организованнаго подвоза продовольствія и военныхъ запасовъ, почти даже безъ артиллеріи. Это обезпечиваетъ за ними быстроту движеній, даетъ имъ возможность появляться тамъ, гдѣ ихъ не ждали, но это же обстоятельство съ одной стороны лишаетъ ихъ возможности закрѣплять какіе-нибудь частные успѣхи, а съ другой—ставитъ ихъ самихъ въ тяжелое положеніе при всякой неудачѣ. Мы уже знаемъ, чѣмъ кончилось турецкое наступленіе на Ардаганъ въ ольтинскомъ направленіи и на Сарыкамышъ. Первые моменты это наступленіе имѣло кажущійся успѣхъ. Но какъ только элементъ внезапности утратилъ свое значеніе, какъ только операціи стали развиваться нормально, неудача турецкаго наступленія была уже предрѣшена. У Сарыкамыша турки понесли рѣшительное пораженіе, потерявъ цѣлый корпусъ, а развившіеся изъ желанія турокъ облегчить отступленіе изъ-подъ Сарыкамыша другаго корпуса бои у Караургана принимаютъ очень неблагопріятный оборотъ для турокъ, уже понесшихъ большія потери и потерявшихъ здѣсь много плѣнныхъ. Продвинувшись очень быстро къ Ардагану, турки столь же быстро потеряли его. Теперь у нихъ отняты обратно и Ольты и боевыя дѣйствія на ольтинскомъ направленіи вновь перенесены въ предѣлы Турціи. Наконецъ, изъ сегодняшняго донесенія штаба кавказской арміи извѣстно, что и вытѣсненіе турокъ въ Чорохскомъ краѣ идетъ успѣшно. На западной половинѣ кавказской границы турецкое наступленіе всюду остановлено и всѣ операціи приняли нормальный характеръ, а этого уже достаточно, чтобы быть увѣреннымъ и въ дальнѣйшихъ нашихъ успѣхахъ. За свою авантюру турки заплатили очень дорогой цѣной, но выиграть ничего не выиграли.

Теперь они пытаются повторить нѣчто въ родѣ такой же авантюры, хотя, вѣроятно, въ болѣе скромномъ масштабѣ, на другой, восточной, сторонѣ кавказской границы. Они вторглись въ персидскій Азербейджанъ и уже заняли Тавризъ, главный городъ сѣверо-западной Персіи. Достаточно самаго бѣг-